

Крюкова Е. А.¹, Нефёдов А. В.²

ВЫРАЖЕНИЕ ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОТОТИПИЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ПЕРИФЕРИЯ

Статья представляет собой описание разноуровневых средств, которые используются при выражении посессивных отношений в кетском языке: просодические, морфосинтаксические и лексические. Языковой материал, рассматриваемый в статье, охватывает атрибутивные и предикативные посессивные конструкции, среди которых выделяются как прототипические стратегии маркирования категории принадлежности (посессивные клитики в атрибутивных конструкциях с выраженным и невыраженным посессором, посессивные предикаты в локативных предикативных конструкциях), так и периферийные явления (сложные слова, специализированные глаголы обладания). Кроме того, в анализе языкового материала было отмечено влияние дискурсивных факторов, которые обуславливают выбор той или иной посессивной стратегии.

Ключевые слова: категория посессивности, посессивные предикаты, референтность, информационная структура, кетский язык, исчезающие языки Сибири.

Введение

Проблема посессивности является в настоящее время одной из актуальных тем, исследуемых в лингвистике. Посессивность представляет собой достаточно сложное, разноуровневое явление, которое включает в себя широкий спектр отношений обладания и принадлежности, а также соотношения части и целого (Бондарко, 1996: 99).

В зависимости от выполняемой функции, посессивные конструкции делятся на два типа: атрибутивные³ и предикативные. К первому типу относятся конструкции вида *моя машина, деньги отца*, а ко второму – *у меня есть машина, я имею много денег*.

В кетском языкознании многие вопросы, касающиеся исследования посессивных отношений (особенно в типологическом аспекте), остаются открытыми, хотя существуют отдельные работы, которые затрагивают данную проблематику.

Краткое описание атрибутивных и предикативных посессивных конструкций встречается в грамматиках и очерках по кетскому языку у отечественных (Валл, Канакин, 1985: 33, 44–46; Валл, Канакин, 1990: 70–73, 75) и зарубежных лингвистов (Georg, 2007: 107–108, 119–120, 165–166; Vajda, 2004: 21–23, 26–27; Werner, 1997: 104–119, 134–136). Следует также отметить работы типологического (Которова, Нефёдов, 2006) и сравнительно-сопоставительного плана (Vajda, 2013), в рамках которых были довольно подробно рассмотрены отдельные вопросы, связанные с категорией посессивности в кетском языке.

Главная цель данной статьи – представить комплексное описание стратегий выражения посессивных отношений в кетском языке с учетом результатов проведенного корпусного исследования атрибутивных и предикативных посессивных конструкций (см. подробнее: Крюкова, 2015; 2016; см. также Нефёдов, в печати), а также наметить пути изучения прагматических факторов, которые могут влиять на использование посессивных конструкций в кетском дискурсе.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 15-04-00406а «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала».

² Исследование выполняется при финансовой поддержке Fritz Thyssen Foundation в рамках научно-исследовательского проекта “Negation in Ket and the Yeniseian languages: Typological and areal perspective (Az. 40.17.0.008SL)».

³ В зарубежной лингвистике часто употребляется термин «приимённый» (adnominal) (Stassen, 2009: 107).

В качестве основного материала для работы был использован аннотированный корпус кетских текстов (далее – корпус),⁴ а также материалы из грамматических описаний кетского языка и опубликованных словарей.

1. Атрибутивные посессивные конструкции в кетском языке

В данном разделе мы рассмотрим стратегии выражения посессивных отношений в кетском языке на уровне именных групп, которые можно охарактеризовать как 1) конструкции с посессивными клитиками и 2) конструкции со сложными словами. Основная разница в дистрибуции данных стратегий заключается в степени референтности посессора. Разница между отчуждаемостью и неотчуждаемостью в кетских атрибутивных посессивных конструкциях не кодируется.

1.1. Конструкции с посессивными клитиками

При наличии посессора, который обладает высокой референтностью, протипичным способом маркировки посессивных отношений в именных группах является использование посессивных клитик. Данные языковые единицы имеют более самостоятельный статус, чем связанные морфемы, такие как префиксы и суффиксы (ср. Валл, Канакин, 1990: 70). В табл. 1 продемонстрированы фонологические формы этих показателей.

Таблица 1

Посессивные клитики

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	=b=	=na=
2 л.	=k=	
3 л. муж. к.	=da=	
3 л. жен. к.	=d(i)=	
3 л. вещ. к.	=d=	

Как можно видеть из таблицы, в единственном числе данные показатели различают лицо и класс (мужской, женский и вещной) посессора. Во множественном числе, однако, они маркируют лишь общее различие между одушевленностью и неодушевленностью посессора.

С точки зрения просодики, посессивные клитики обладают как энклитическими, так и проклитическими характеристиками. В рамках одной фонологической фразы клитика присоединяется к слову, которое стоит в препозиции (обычно это эксплицитно выраженный именной или местоименный посессор).⁵ При отсутствии предшествующего слова или при наличии существенной паузы, клитика присоединяется к обладаемому,⁶ которое находится в постпозиции. Наличие паузы обычно прагматически обусловлено и служит для выделения темы в предложении (ср. Гришина, 1999). В целом, просодическое поведение данных показателей схоже

⁴ Корпус состоит из 27 текстов на северно-кетском диалекте и трех на южно-кетском, записанных в середине XX в. Полный объем корпуса составляет 1100 предложений.

⁵ Это также может быть слово, которое не относится к посессивной группе, но находится с посессивной клитикой в рамках одной фонологической фразы (см.: Nefedov, 2015: 17).

⁶ Обладаемым обычно является имя существительное. Однако в кетском языке в позиции обладаемого может также находиться имя действия (традиционно называемое инфинитивом). В этом случае, посессор интерпретируется как субъект или объект действия, выраженного этой частью речи. Например, *āb tād binut* [1SG.POSS бить.ANOM это-закончилось] 'мое битье закончилось', т.е. 'я закончил (кого-либо) бить' или '(кто-либо) закончил меня бить'.

с тем, что в терминологии М. Сисоу называется «дитропическими» клитиками (см. подробнее: Cysouw, 2005).

Далее мы рассмотрим конструкции с посессивными клитиками в зависимости от того, как в них выражается посессор.

1.1.1. Конструкции с посессором, выраженным именем существительным

Как было сказано выше, посессивные показатели обычно присоединяются к эксплицитно выраженному именованному посессору. В традиционных описаниях кетского языка подобные случаи трактуются как конструкции с показателями родительного падежа (Дульзон, 1968: 74; Werner, 1997: 74, 118; Vajda, 2004: 23). Пример подобной посессивной конструкции проиллюстрирован в (1).

1. ... *aqta kera battat ek'ti...*

<i>aqta</i>	<i>keʔd-da</i>	<i>battad</i>	<i>ek'ti</i>
хороший	человек-3SG.POSS.M	лоб	2SG.IMP.не.трогать

‘...лоб хорошего человека не трогай...’ (Текст «Бальна», № 39)

В этом примере посессивная клитика 3-го лица единственного числа мужского класса =*da*=, примыкая справа к посессору *keʔd* ‘человек’ (т.е. суффицируясь), образует с ним одно просодическое единство. При этом посессоры, которые выражены односложным словом, теряют свое тоновое оформление.⁷

Схематически данную посессивную стратегию можно изобразить как «ПОССЕССОР_{NOM}=POSS + ОБЛАДАЕМОЕ_{NOM}». В нашем корпусе данная стратегия зафиксирована у 21 атрибутивной посессивной конструкции.

1.1.2. Конструкции с посессором, выраженным местоимением

Эксплицитный посессор может быть также выражен местоимением, традиционно называемым притяжательным (Дульзон, 1968: 107–111). Однако, как и в случае с существительными, данные местоимения являются формами личных местоимений, маркированными соответствующими посессивными клитиками (из табл. 1). Сравним форму личных местоимений и посессивно-маркированных местоимений в табл. 2.

Таблица 2

Личные и посессивно-маркированные местоимения

	ед. ч.		мн. ч.	
	личные	посессивные	личные	посессивные
1 л.	<i>ā(d)</i> ‘мой’	<i>āb</i> ‘мой’ ⁸	<i>ət(ŋ)</i> ‘мы’	<i>ətŋna</i> ‘наш’
2 л.	<i>ū(k)</i> ‘ты’	<i>ūk</i> ‘твой’	<i>ək(ŋ)</i> ‘вы’	<i>əkŋna</i> ‘ваш’
3 л. муж. к.	<i>bū</i> ‘он(а)’ ⁹	<i>buda</i> ‘его’	<i>buŋ</i> ‘они’	<i>buŋna</i> ‘их’
3 л. жен. к.		<i>bud(i)</i> ‘ее’		

⁷ В кетском языке односложные слова различают четыре разных тона. В примере (1) слово *keʔd* ‘человек’ относится ко второму тону.

⁸ Согласно Ш. Георгу, в случае с *āb* ‘мой’, элемент *-b* нельзя однозначно трактовать как суффикс, потому что с исторической точки зрения корень **a-* для местоимения первого лица в кетском и югском языках не подтверждается (Georg, 2007: 176, сноска). Однако, как показывают текстовые примеры, в разговорной речи местоимение *ād* ‘я’ часто редуцируется до *ā* (например, *ā boʊon* ‘я пошел’, *ā ŋita* ‘я говорю/сказал’), поэтому мы вполне можем иметь дело с выпадением морфемы *-d* при присоединении посессивной клитики.

⁹ В кетском языке местоимение *bū* обычно не употребляется для обозначения 3 лица единственного числа вещного класса (ср. Дульзон, 1968: 103).

7. *atiʒaj-deʒŋ ʔɔʒgirasʲ diliŋqəŋəna*
 etikaj-deʒŋ **qòj-kiʲd-as** d-iliŋ-q-oŋ-o-n-a
 гостить-люди **медведь-мясо-INSTR** 1SG.SBJ-есть-CAUS-3AN.PL-PST-PST-MOM.TR
 ‘Гостей медвежатиной накормила.’ (БСКЯ: 303)

В отличие от примеров, представленных в разд. 1.1, слово *qòj* ‘медведь’ (посессор) соединяется со словом *kiʲd* ‘мясо’ (обладаемое) без какого-либо посессивного оформления. При этом, однако, оба слова теряют свое тоновое оформление и получают единый просодический контур. Таким образом, мы имеем дело не с именной группой, а с лексической единицей. Данный способ образования новых лексических единиц является самым распространенным в кетском языке (Georg, 2007: 125).

Помимо словосложения с помощью соположения, посессивные отношения могут быть выражены сложными словами, которые содержат в своем составе связующий элемент *-d-*:

8. *tipda ʔkubdɔ:l*
 tīb=da kīb-d-óòl
 собака=3SG.M.POSS рот-LINK-оболочка
 ‘собачий намордник [оболочка рта]’ (БСКЯ: 241)

В примере (8) элемент *-d-* связывает между собой слова *kīb* ‘рот (с губами)’ и *óòl* ‘оболочка’. Данная конструкция похожа на примеры с посессивной клитикой и эксплицитно выраженный посессором, рассмотренные выше в п. 1.1.1. Однако, в отличие от тех конструкций, в этом случае мы имеем дело с лексической единицей, так как слово *kubdɔ:l* оформляется единым просодическим контуром и имеет лексикализованное значение ‘намордник’, которое достаточно сложно вывести из значений составных частей данного слова.

С исторической точки зрения, сам связующий элемент *-d-* имеет непосредственное отношение к посессивной клитике 3-го лица вещного класса (см. табл. 1). Однако, как отмечает Ш. Георг, в настоящее время он является «застывшим», так как не согласуется с определяющим словом (Georg, 2007: 126).

Никакого особого семантического различия между словами, образованными этими двумя способами, не обнаружено. Более того, некоторые слова могут иметь две параллельные формы – с элементом *-d-* и без него, ср., например, *destul* [des-d-ul / глаз-LINK-вода] и *desul* [des-ul / глаз-вода] ‘слеза’.

2. Предикативные посессивные конструкции в кетском языке

Помимо атрибутивных конструкций, посессивные отношения в кетском языке выражаются с помощью предикативных конструкций. В классификации, предложенной Л. Стассеном, выделяется четыре стратегии образования предикативных посессивных конструкций: 1) локативная стратегия, 2) комитативная стратегия, 3) стратегия топикализации посессора и 4) глагольная стратегия (Stassen, 2009). В кетском языке используются следующие стратегии: локативная (выраженная неглагольными предикатами) и глагольная (выраженная специальными глаголами обладания).

Кроме этого, в кетском языке есть предикативные конструкции вида *этот дом – мой*, которые не учитываются в типологии Л. Стассена (Stassen, 2009: 30). Данные конструкции образуются с помощью посессивно-маркированных местоимений и специальных предикативных маркеров *-ij* (одушевленное обладаемое) и *-bij* (неодушевленное обладаемое). Например, *hiʲb abij* ‘сын – мой’, *tude quʲs ukbij* ‘этот чум – твой’ (Werner, 1997: 136). В корпусе данные конструкции обнаружены не были.

2.1. Неглагольные посессивные предикаты (локативная стратегия)

Неглагольные предикативные конструкции, которые выражают посессивные отношения с помощью локативной стратегии, относятся к группе так называемых локативных предикатов. Данная группа включает в себя собственно локативные, бытийные и посессивные предикаты (Payne, 1997; Dryer, 2007). Как и остальные виды локативных предикативных конструкций, посессивные предикаты выражают отношения между LOC-аргументом (посессором) и THEME-аргументом (обладаемым). По своей структуре посессивные неглагольные предикаты в кетском языке практически полностью совпадают с бытийными предикативными конструкциями – LOC-аргумент маркируется местно-личным падежом, а THEME-аргумент остается основным падеже (с нулевым маркированием). Единственным отличием от бытийных предикативных конструкция является тот факт, что посессор (LOC) в неглагольных посессивных предикатах всегда одушевленный, поэтому не может быть маркирован местно-временным падежным показателем (подробнее неглагольных предикатах см. Нёфёдов, в печати). Табл. 4 суммирует каноническую структуру этих посессивных конструкций.

Таблица 4

Структура посессивной предикативной конструкции

Посессор	Обладаемое	Предикатив	
		нулевая связка	бытийные связки
в местно-личном падеже	в основном падеже		
- <i>daŋta</i> (муж., ед.ч.) - <i>diŋta</i> (ед.ч., жен./вещ.) - <i>naŋta</i> (мн.ч., одуш.)	-∅	∅	<i>usaŋ</i> (непрош. вр.), <i>obilda</i> (прош. вр.)

Как можно видеть из таблицы, в непрошедшем времени в посессивных предикативных конструкциях используется бытийная связка *usaŋ* ‘есть’:

9. *aviŋte duot u:s'em*¹³

abaŋta du²d **usaŋ**
1SG.ADSS шило **есть**

‘У меня шило есть.’ (Крюкова, 2016: 24)

Бытийная связка также может быть опущена, как в примере (10). В данном случае мы имеем дело с так называемой «нулевой» связкой.

10. ... *buranŋte i re am 'diŋte qaŋ ta:n*

bū-daŋta i da **ām-diŋta** qāk t'éən
3-M.ADSS и 3SG.M.POSS мать-F.ADSS пять палец.PL

‘...у него и его матери пять пальцев.’ (Крюкова, 2016: 23)

Разница между конструкциями с эксплицитной связкой (9) и нулевой связкой (10) скорее всего относится к сфере прагматики. Мы предполагаем, что в первом случае акцент делается на факт обладания, а во втором – на обладаемое (ср. Нёфёдов, в печати).

В прошедшем времени посессивные конструкции оформляются специальной связкой *obilda* ‘был’. В отличие от связки *usaŋ*, которая является полностью неизменяемой, *obilda* может отражать число субъекта предикации, как в примере (11).

11. *Hundiŋte ka't obilden*

Hu²n-diŋta kə²d **obilda-n**
Хунь-F.ADSS дети **был-PL**

‘У Хунь были дети.’ (Крюкова, 2016: 27)

¹³ Форма *usam* являет диалектным вариантом *usaŋ*, свойственным для говоров северного диалекта кетского языка. Дульзон (1968: 291) ошибочно считает *usam* предикативной формой среднего рода (т.е. вещного класса).

С исторической точки зрения, связка *obilda* связана с заимствованной русской связкой прошедшего времени *был* (см. Georg, 2007: 314).

Следует также отметить, что, по мнению Ш. Георга, посессивная конструкция с местноличным падежом возможно является структурной калькой, возникшей под контактным влиянием русского языка (Georg, 2007: 112). С другой стороны, согласно типологическому исследованию Л. Стассена, локативная стратегия достаточно широко распространена среди языков мира, ареально и генетически не связанных друг с другом (Stassen, 2009: 748ff). Таким образом, данная стратегия вполне может быть изначально присущей кетскому языку.¹⁴

Наибольшее количество примеров в нашем корпусе насчитывают неглагольные посессивные конструкции с нулевой связкой – 17 употреблений. Конструкций со связкой *usaj* в корпусе всего шесть, а с *obilda* – восемь.

2.2. Глагольные посессивные предикаты (глагольная стратегия)

Глаголы обладания в кетском языке можно разделить на два основных семантических типа: 1) глаголы, описывающие постоянное владение предметом (в настоящем и прошлом), и 2) глаголы, описывающие будущее вхождение во владение предметом или же самое начало обладания (ср. Крейнович, 1968: 139). Оба вида данных глаголов обладания являются интранзитивными, так как построены на инкорпорации обладаемого в состав глагольной словоформы, посессор при этом является субъектом предикации, который стоит в основном падеже и маркируется соответствующим показателем в глаголе.

Первый тип глаголов обладания представлен глаголом с основой *-bed* ‘обладать’.¹⁵ Схематично его можно представить как «X-AGR-bed», где X – это обладаемое, которое инкорпорировано в глагольную словоформу, а AGR – посессор, являющийся субъектом данной конструкции. Никаких семантических ограничений в отношении существительных, которые можно инкорпорировать в этот глагол, не наблюдается. Однако выбор серии субъектных показателей¹⁶ в данном глаголе зависит от того является ли инкорпорант (исторически) односложным или (исторически) многосложным (Vajda, 2017: 920). Пример с односложным обладаемым продемонстрирован в (12), а с многосложным – в примере (13).

12. *ēn' āt tipdibet*

ēn **ād** tib-**di**-bed
сейчас **1SG** собака-**1SG.SBJ**-обладать
‘Теперь у меня собака есть.’ (БСКЯ: 657)

13. *āt intipbajabet*

ād intib-**ba**-ja-bed
1SG щенок-**1SG.SBJ**-INTRS-обладать
‘У меня есть щенок.’¹⁷

Как мы видим, в первом случае с односложным обладаемым *tib* ‘собака’ субъект 1-го лица единственного числа маркируется показателем *-di-*, а во втором – показателем *-ba-*, так как обладаемое *intib* ‘щенок (досл. маленькая собака)’ является двусложным. Вне глагола посессор выражен личным местоимением *ād* ‘я’ с нулевым маркированием. В примере (13) можно также видеть, что некоторые парадигматические формы глагола обладания содержат интранзитивный суффикс *-ja-*, который свойственен результативно-стативным глаголам.

¹⁴ Использование локативной стратегии также зафиксировано для языков На-дене, которые считаются генетически связанными с енисейской семьей языков (Stassen, 2009: 758).

¹⁵ На данный момент неизвестно, есть ли какая-либо этимологическая связь между глагольными основами *-bed* ‘обладать’ и *-bed* ‘делать’ (Nefedov, Vajda, 2015: 59).

¹⁶ В кетском глаголе есть несколько серий субъектно-объектных показателей для каждого лица, класса и числа, которые различаются по форме и занимают в глаголе разные позиции.

¹⁷ Пример взят из полевых записей авторов статьи.

В отличие от других продуктивных инкорпорирующих основ, основа *-bed* ‘обладать’ не имеет переходного парафразы, в котором обладаемое могло бы находиться вне глагола и маркироваться как прямой объект.

Второй тип глаголов обладания образован от основы *-qan* ‘начинать, становиться’. Схема данного глагола выглядит следующим образом: «X-AGR-qan». В примере (14) приводится форма этого глагола в непрошедшем времени, которая передает план будущего. Пример (15) демонстрирует этот глагол в прошедшем времени, и в этом случае он передает значение начала владения предметом.

14. *donʹbogdaqan*

dop-**bo**-k-d/a-qan

нож-**1SG.SBJ**-ТН-ТМ/NPST-статья.NPST

‘Я заимею нож.’ (Крейнович, 1968: 140)

15. *donʹugdovon*

dop-**u**-k-d/o-qon

нож-**3SG.F.SBJ**-ТН-ТМ/PST-статья.PST

‘Она заимела нож.’ (Крейнович, 1968: 140)

В отличие от глагола обладания с основой на *-bed*, все примеры данного вида глаголов, которые имеются в описаниях кетского языка, инкорпорируют только отчуждаемое обладаемое.

Е. А. Крейнович также отмечает наличие другого глагола со схожей семантикой, однако приводит лишь формы прошедшего времени:

16. *dʹlbogdombugdoja*

dʹ-bokdom-**bu**-k-d/o-j-a

3SG.F.SBJ-ружье-**3COREF.SBJ**-ТН-ТМ/PST-EP(?)-STEM

‘Ружье она заимела.’ (Крейнович, 1968: 140)

В данном случае сложно сказать каково точное значение основы *-a*, так в кетском языке имеется несколько омонимичных ей корневым основам (например, со значением непроизвольного действия, однократного действия, активного действия, подробнее см. Вайда, Зинн, 2005). Помимо основы, этот глагол отличается от глагола с основой на *-qan* использованием другой серии субъектных показателей.

Как и в случае с глаголами обладания на *-bed*, данные глаголы нельзя перефразировать в транзитивные конструкции, в которых обладаемое находилось бы вне глагола.

Дискурсивным фокусом в данных конструкциях является посессор, так как обладаемое инкорпорировано в глагол и таким образом выведено на задний план (ср. Vajda, 2017: 927). В целом, статус обладаемого в данных конструкциях отличается более низкой референциальностью, чем в конструкциях, образованных с помощью локативной стратегии.

Следует также отметить, что, по мнению Г. К. Вернера, кетские глаголы обладания являются более поздними инновациями, что объясняет их узкую семантику по сравнению с подобными глаголами в других языках (Вернер, 1974: 44).

В корпусе текстов, используемом в нашем исследовании, подобные глаголы обладания не встречаются.

Заключение

В данной статье были рассмотрены атрибутивные и предикативные стратегии выражения посессивных отношений в кетском языке. В атрибутивных посессивных конструкциях преобладает морфологический способ выражения посессивных отношений с помощью специальных клитик, которые отражают лицо, класс и число посессора. Данные клитики могут присоединяться к посессорам, выраженным именем существительным или местоимением, а также непосредственно к обладаемому при отсутствии эксплицитного посессора. Общая схема построения атрибутивных посессивных конструкций выглядит следующим образом:

(ПОСЕССОР_{NOM/PRO})=POSS=ОБЛАДАЕМОЕ_{NOM}.

Выбор одной из данных стратегий выражения посессивных отношений связан, по нашему мнению, с информационной структурой предложения. Следует отметить, что в данных конструкциях посессор обладает высокой референциальностью. Для выражения посессивных отношений с нереферентным посессором обычно используется словосложение с помощью соположения или специальной связки посессивного происхождения:

ПОСЕССОР_{NOM}(-LINK-)ОБЛАДАЕМОЕ_{NOM}.

Основной стратегией выражения предикативной посессивности в кетском языке является использование конструкции, идентичной бытийным предикативным конструкциям. В данном случае посессор маркируется местно-личным падежом, а обладаемое стоит в основном (немаркированном) падеже. Вся конструкция оформляется специальными бытийными связками; в настоящем времени связка может быть опущена:

ПОСЕССОР_{NOM/PRO}-ADSS + ОБЛАДАЕМОЕ_{NOM/PRO} + (COPULA).

Периферийным способом выражения предикативной посессивности является использование специальных глаголов обладания. Данные глаголы являются интранзитивными с инкорпорированным обладаемым в составе глагольной словоформы. В отличие от неглагольных посессивных предикатов обладаемое в данных глаголах имеет низкий референтный статус, а прагматический акцент смещается в сторону посессора, который является субъектом предикации. Тот факт, что в нашем корпусе имеются только неглагольные посессивные конструкции может свидетельствовать о том, что идет вытеснение глаголов обладания под доминирующим влиянием русского языка, для которого подобные бытийные посессивные конструкции являются наиболее частотными. Этому также может способствовать то, что глаголы обладания в кетском языке являются в достаточной степени узкоспециализированными.

Анализ примеров из корпуса и других источников показал, что выбор той или иной посессивной стратегии в кетском языке в большой степени зависит от дискурсивных факторов, это касается как атрибутивных, так и предикативных посессивных конструкций. Необходимо дальнейшее исследование взаимосвязи информационной структуры текста и использование посессивных конструкций на материале корпуса для моделирования процессов построения дискурса в кетском языке.

Список литературы

- Большой словарь кетского языка (БСКЯ) / Под ред. Е. Г. Которовой, А. В. Нефедова. – Мюнхен: LINCOM, 2015. – Т. 1. – 430 с.
- Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – 229 с.
- Вайда Э., Зинн М. А. Морфологический словарь кетского глагола (на основе южно-кетского диалекта). – Томск: Изд-во ТГПУ, 2004. – 262 с.
- Валл М. Н., Канакин И. А. Категории имени в кетском языке. – Новосибирск: Наука, 1985. – 56 с.
- Валл М. Н., Канакин И. А. Очерк фонологии и грамматики кетского языка. – Новосибирск: Наука, 1990. – 101 с.
- Вернер Г. К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // Вопросы языкознания. – 1974. – № 1. – С. 34–45.
- Гришина Н. М. О некоторых средствах выделения темы и ремы в кетском языке // Проблемы документации исчезающих языков и культур. – Уфа; Томск, 1999. – С. 73–76.
- Которова Е. Г., Нефедов А. В. Типологические характеристики кетского языка: вершинное или зависимостное маркирование? // Вопросы языкознания. – 2006. – № 5. – С. 43–56.
- Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. – Л.: Изд-во Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – 284 с.

- Крюкова Е. А. Именные посессивные конструкции в кетском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2015. – № 4 (10). – С. 55–61.
- Крюкова Е. А. Предикативные посессивные конструкции в кетском языке (корпусное исследование) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – № 4 (14). – С. 22–36.
- Нефёдов А. Отрицание неглагольных предикатов в кетском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2018 (в печати)
- Cysouw M. Morphology in the wrong place. A survey of preposed enclitics // Wolfgang U. Dressler (ed.) Morphology and its Demarcations. – Amsterdam: Benjamins, 2005. – P. 17–37.
- Dryer M. S. Clause types. In: Shopen T. (ed.), Language Typology and Syntactic Description. – Vol. I: Clause Structure, 2nd ed. – Cambridge: CUP, 2007. – P. 224–275.
- Georg S. A Descriptive Grammar of Ket (Yenisei-Ostyak) GLOBAL ORIENTAL LTD, 2007. – 328 p.
- Nefedov A. Clause linkage in Ket. – Utrecht: LOT, 2015. – 297 p.
- Nefedov A., Vajda E. Grammatical sketch (of Ket). In: Comprehensive Dictionary of Ket. (with Russian, German and English Translations). Under the general supervision of E. G. Kotorova. Editors-in-chief: E. G. Kotorova, A. V. Nefedov. – Vol. 1. München: LINCOM EUROPA, 2015. – P. 27–69.
- Payne Th. E. Describing Morphosyntax: A Guide for Field Linguists. – United Kingdom: Cambridge University Press, 1997. – 413 c.
- Stassen L. Predicative Possession. – Oxford University Press, 2009. – 812 p.
- Vajda E. J. Ket. LINCOM EUROPA, 2004. – 99 p.
- Vajda E. J. Vestigial possessive morphology. In Na-Dene and Yeniseian. Working papers in Athabaskan (Dene) Languages. 2012. – Alaska Native Language Center Working Papers, eds. Sharon Hargus, Edward Vajda, Daniel Hieber. Fairbanks. – AK: ANLC, 2013. – № 11. – P. 9–91.
- Vajda E. J. Polysynthesis in Ket. // M. Fortescue, M. Mithun, and N. Evans (eds.) The Oxford Handbook of Polysynthesis, Oxford University Press, 2017. – P. 906–929.
- Werner H. Die ketische Sprache. (TUNGUSO SIBIRICA B. 3) – Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 1997. – 405 p.

Список текстов

- Бальна. Курейка (северо-кетский), 1959: Дульзон А. П. Ученые записки. Т. XX, вып. 2. – Томск, 1962 // Крюкова Е. А., Глазунов П. Ю. Кетские тексты // Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала. – Томск: Ветер, 2010. – Т. 1. С. 185–201.
- Жил мужик с женой. Курейка (северо-кетский), 1959: Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Сборник статей по вопросам языкознания и методике преподавания иностранных языков. Ученые записки. Т. XXI, вып. 1. – Томск: Изд-во Томского университета, 1964. – С. 134–136.
- Нюням. Курейка (северо-кетский), 1959: Дульзон А. П. Ученые записки. – Т. XX, вып. 2. – Томск, 1962. – С. 158–162 // Крюкова Е. А., Нефедов А. В. Кетские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. – Т. 5 (в печати).
- Хунь с Колбассам жили. Курейка (северо-кетский), 1959: Дульзон А. П. Ученые записки. – Т. XXI, вып. 1. – Томск, 1964 / Крюкова Е. А. Кетские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. – Томск: Вайар, 2013. – Т. 3. – С. 202–294.
- Чертовка и женщина. Курейка (северо-кетский) 1959: Дульзон А. П. Ученые записки. – Т. XX, вып. 2. – Томск, 1962 // Крюкова Е. А. Кетские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. – Томск: ТМЛ-Пресс; Вайар, 2015. – Т. 4. – С. 150–170.

Список сокращений

1 – first person, первое лицо; 2 – second person, второе лицо; 3 – third person, третье лицо; ADSS – addeasive, местноличный падеж; AN – animate, одушевленный; CAUS – causative, каузатив; COREF – coreferential subject marker, кореферентный показатель субъекта; DAT – dative, дательный падеж; EP – epenthetic vowel/consonant, соединительный гласный/согласный; F – feminine, женский род; INAN – inanimate, неодушевленный; INSTR – instrumental, совместно-орудный падеж; LINK – linker, связующий элемент; INTRANS – intransitivizing marker, интранзитивирующий маркер; LOC – locative, местный падеж; M – masculine, мужской род; MOM.TR – momentaneous transitive stem, однократная переходная основа; NPST – непрошедшее, non-past; OBJ – object, объект; PL – plural, множественное число; POSS – possessive, посессив; PRED – predicative, показатель предикатива; PST – past, прошедшее время;

SBJ – subject, субъект; SG – singular, единственное число singular; STEM – semantically opaque root element, корневой элемент с непрозрачной семантикой; TH – thematic consonant, тематический согласный; TM – показатель инкорпорированной темы, incorporated theme marker.

Крюкова Е. А., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: elenakrjukova@tspu.edu.ru

Нефёдов А. В., PhD.
Университет Гамбурга. Институт финно-угристики/уралистики.
Überseering 35, 22297 Hamburg, Germany.
Национальный исследовательский Томский политехнический университет.
Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.
E-mail: andrey.nefedov@gmail.com

Материал поступил в редакцию 04.11.2017 г.

Kryukova E. A., Nefedov A. V.

POSSESSIVE RELATIONS IN KET: PROTOTYPICAL CONSTRUCTIONS AND PERIPHERAL CASES

The present article focuses on the description and analysis of means used to express possessive relations in Ket belonging to different levels of language structure (prosodic, morphosyntactic and lexical). The article surveys both adnominal and predicative possessive constructions in the language distinguishing between prototypical possessive strategies (possessive clitics in adnominal constructions, nonverbal possessive predicates in locational constructions) and peripheral means of coding possession (complex words and specific verbs of possession).

Adnominal possessive constructions in Ket can be divided into constructions with an explicit possessor (it can either be a noun or a pronoun) and constructions with an implicit one. If a possessor is nonreferential, it is possible to use compounding which yields a complex word as a result.

Predicative possessive constructions in the language distinguish between nonverbal locational constructions and constructions with specific verbs of possession. In the first case, a possessor is marked with the Adessive case marker, while the nonverbal possessive predicate (possessum) requires the presence of a copula. The nonpast tense copula is often omitted. In the second case, a possessum gets incorporated into a finite possessive verb. There is a clear dominating preference for using locational constructions to express possessive relations over the verbal ones in the language, which is the reason why there are no constructions of the latter type found in our text corpus.

In addition, the analysis shows that various discourse-related factors may play an important role in choosing a particular possessive strategy in Ket. For instance, the use of a particular adnominal possessive construction seems to be connected with the possessor's degree of activation in the preceding discourse: the more it is activated, the greater the probability of using an implicit possessor construction.

Key words: *possession, possessive predicates, referentiality, information structure, Ket, endangered Siberian languages.*

References

- Comprehensive Dictionary of Ket / Kotorova E., Nefedov A. (eds). – München: LINCOM, 2015. – Vol. 1. – 430 p. (in Russian and English)
Bondarko A. V. Teorija funkcional'noj grammatiki: Lokativnost'. Bytijnost'. Possessivnost'. Obuslovlennost' [The theory of functional grammar. Locative. Beingness. Possessive. Conditionality]. – Sankt-Peterburg: Nauka, 1996. – 229 p.
Vajda E. J., Zinn M. A. Morphological Dictionary of the Ket Verbs. – Tomsk: Izd-vo TGPU, 2004. – 262 p. (in Russian and English)

- Vall M. N., Kanakin I. A. Kategorii imeni v ketskom yazyke [Noun Categories in Ket]. – Novosibirsk, Nauka Publ., 1985. – 56 p. (in Russian)
- Vall M. N., Kanakin I. A. Oчерк po fonologii i grammatike ketskogo yazyka [Sketches of Ket phonology and grammar]. – Novosibirsk, Nauka Publ., 1990. – 101 p. (in Russian)
- Verner G. K. Reliktovye priznaki aktivnogo stroja v ketskom jazyke [Relic features of active typology in Ket] // Voprosy yazykoznanija – Problems of Linguistics. – 1974. – № 1. – P. 34–45. (in Russian)
- Grishina N. M. O nekotoryh sredstvakh vydelenija temy i remy v ketskom jazyke [On means of marking theme and rheme in Ket] // Problemy dokumentacii ischezajushhix jazykov i kul'tur [Problems of documenting endangered languages and cultures]. – Ufa; Tomsk, 1999. – P. 73–76. (in Russian)
- Kotorova E. G., Nefedov A. V. Tipologicheskiye kharakteristiki ketskogo jazyka: vershinnoe ili zavisimostnoe markirovanie? [Typological characteristics of Ket: head-or dependent-marking?]. Voprosy yazykoznanija – Problems of Linguistics. – 2006. – № 5. – P. 43–56. (in Russian)
- Krejnovich E. A. Glagol ketskogo jazyka [The Ket Verb]. – L.: Nauka Publ., 1968. – 284 s. (in Russian).
- Kryukova E. A. Imennye possessivnye konstrukcii v ketskom jazyke [Possessive Noun Constructions in Ket] // Tomskij zhurnal lingvisticheskix i antropologicheskix issledovanij – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2015. – № 4 (10). – P. 55–61. (in Russian)
- Kryukova E. A. Predikativnye possessivnye konstrukcii v ketskom jazyke (korpusnoe issledovanie) [Possessive Predicative Constructions in Ket (Corpus-Driven Research)] // Tomskij zhurnal lingvisticheskix i antropologicheskix issledovanij – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2016. – № 4 (14). – P. 22–36. (in Russian)
- Nefedov A. Otricanie neglagol'nyh predikatov v ketskom jazyke [Negation of nonverbal predicated in Ket] // Tomskij zhurnal lingvisticheskix i antropologicheskix issledovanij // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2018 (in print).
- Cysouw M. Morphology in the wrong place. A survey of preposed enclitics // Wolfgang U. Dressler (ed.) Morphology and its Demarcations. – Amsterdam: Benjamins, 2005. – P. 17–37.
- Dryer M. S. Clause types. In: Shopen T. (ed.), Language Typology and Syntactic Description. – Vol. I: Clause Structure, 2nd edition. – Cambridge: CUP, 2007. – P. 224–275.
- Georg S. A Descriptive Grammar of Ket (Yenisei-Ostyak) GLOBAL ORIENTAL LTD, 2007. – 328 p.
- Nefedov A. Clause linkage in Ket. – Utrecht: LOT, 2015. – 297 p.
- Nefedov A., Vajda E. Grammatical sketch (of Ket). In: Comprehensive Dictionary of Ket. (with Russian, German and English Translations). Under the general supervision of E. G. Kotorova. Editors-in-chief: E. G. Kotorova, A. V. Nefedov. – Vol. 1. München: LINCOM EUROPA, 2015. – P. 27–69.
- Payne Th. E. Describing Morphosyntax: A Guide for Field Linguists. – United Kingdom: Cambridge University Press, 1997. – 413 p.
- Stassen L. Predicative Possession. – Oxford University Press, 2009. – 812 p.
- Vajda E. J. Ket. LINCOM EUROPA, 2004. – 99 p.
- Vajda E. J. Vestigial possessive morphology. In Na-Dene and Yeniseian. Working papers in Athabaskan (Dene) Languages. 2012. – Alaska Native Language Center Working Papers, eds. Sharon Hargus, Edward Vajda, Daniel Hieber. Fairbanks. – AK: ANLC, 2013. – № 11. – P. 9–91.
- Vajda E. J. Polysynthesis in Ket. In M. Fortescue, M. Mithun, and N. Evans (eds.) The Oxford Handbook of Polysynthesis, Oxford University Press. – 2017. – P. 906–929.
- Werner H. Die ketische Sprache. (TUNGUSO SIBIRICA B. 3) – Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 1997. – 405 p.

Data sources

Bal'na [Balna]. Kurejka (Northern Ket dialect), 1959: Kryukova E. A., Glazunov P. Yu. Ketskie teksty [Ket texts] // Annotirovannye fol'klornye teksty obsko-enisejskogo jazykovogo areala [Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenisei Linguistic Area]. – Tomsk: Veter, 2010. – Vol. 1. – P. 185–201.

Zhil muzhik s zhenoj [There once lived a man with his wife]. Kurejka (Northern Ket dialect), 1959: Dul'zon A. P. Ketskie skazki i drugie teksty [Ket folktales and other texts] // Sbornik statej po voprosam jazykoznanija i metodike prepodavaniya inostrannyh jazykov [Collected works on questions of linguistics and foreign language didactics]. Uchenye zapiski [Scholarly proceedings]. – Vol. XXI, № 1. – Tomsk: Tomsk University, 1964. – P. 134–136.

Njunjam [Nunam]. Kurejka (Northern Ket dialect), 1959: Dul'zon A.P. Uchenye zapiski [Scholarly proceedings]. – Vol. XX, № 2. – Tomsk, 1962. – P. 158–162 // Kryukova E. A., Nefedov A. V. Ketskie teksty [Ket texts] // Sbornik annotirovannyh fol'klornyh i bytovyh tekstov obsko-enisejskogo jazykovogo areala [Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenisei Linguistic Area]. Vol. 5 (in print).

Hun' s Kolbassam zhili [There lived Hun and Kolbassam]. Kurejka (Northern Ket dialect), 1959: Kryukova E. A. Ketskie teksty [Ket texts] // Sbornik annotirovannyh fol'klornyh i bytovyh tekstov obsko-enisejskogo jazykovogo areala [Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenissei Linguistic Area]. – Tomsk: Vajar, 2013. – Vol. 3. – P. 202–294.

Chertovka i zhenshhina [She-devil and a woman]. Kurejka (Northern Ket dialect), 1959: Kryukova E. A. Ketskie teksty [Ket texts] // Sbornik annotirovannyh fol'klornyh i bytovyh tekstov obsko-enisejskogo jazykovogo areala [Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenissei Linguistic Area]. – Tomsk: TML-Press; Vajar, 2015. – Vol. 4. – P. 150–170.

Kryukova E. A.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru

Nefedov A. V.

University of Hamburg. Institute of Finno-Ugric and Ural Studies.

Überseering 35, 22297 Hamburg, Germany.

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: andrey.nefedov@gmail.com